

На правах рукописи

С. В. СМЕРНОВ

**ПРОФ. Д. Н. КУДРЯВСКИЙ И ОСНОВНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Diss.Trt

335001

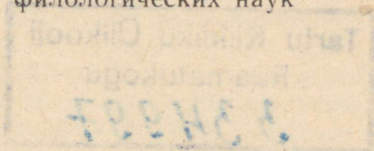
На правах рукописи

С. В. СМИРНОВ

ПРОФ. Д. Н. КУДРЯВСКИЙ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук



Диссертация выполнена при кафедре финно-угорских языков
Тартуского Государственного Университета.

Научный руководитель:
академик Академии наук Эстонской ССР доктор филологических наук
профессор П. А. АРИСТЭ.

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук профессор Я. В. ЛОЯ
кандидат филологических наук доцент А. Б. ПРАВДИН

Защита назначена на 1959 г.

Дата отправления автореферата 1959 г.

2

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
334997

Исследованиям в области истории русского языкознания за последние годы уделялось значительное внимание. Написан ряд книг, статей и диссертаций, в которых анализируются лингвистические взгляды многих русских ученых (М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и других).

Однако в целом историю русского языкознания еще нельзя признать достаточно хорошо изученной и освещенной. Одна из основных задач советского языкознания и состоит в том, чтобы критически освоить и взять то лучшее, что было в дореволюционном языкознании. В этом отношении наша наука должна опираться на учение классиков марксизма-ленинизма о роли классического наследства. «Без ясного понимания того, — говорил В. И. Ленин, — что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».¹ Это в полной мере относится и к советскому языкознанию.

В нашей работе мы ставим перед собой задачу осветить лингвистические взгляды проф. Д. Н. Кудрявского, преимущественно на фоне истории русского языкознания второй половины XIX — начала XX вв., и показать его роль и место в развитии отечественной науки о языке.

Научное наследие Д. Н. Кудрявского до сих пор остается

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 31, стр. 262.

мало изученным. Только Я. В. Лоя с большой любовью и добросовестностью занимался исследованием его трудов. В результате этого им были опубликованы статьи «Лингвистические взгляды Д. Н. Кудрявского»¹ и «Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского».² В них Я. В. Лоя собрал большой фактический материал и сделал первую попытку всесторонне исследовать общественную и научную деятельность Д. Н. Кудрявского. Его грамматических взглядов очень кратко коснулся также акад. В. В. Виноградов.³ Этим и исчерпывается библиография трудов о научной и общественной деятельности Д. Н. Кудрявского.

Наша работа состоит из следующих частей: введение, I глава (общественно-политическая и научная деятельность Д. Н. Кудрявского), II глава (проблема сущности и происхождения языка), III глава (учение о частях речи, предложении и его членах), заключение, библиография.

Материалом для настоящего исследования послужили главным образом печатные работы Д. Н. Кудрявского, вышедшие отдельными изданиями или опубликованные в самых различных журналах, а также труды виднейших русских языковедов. Кроме этого, использован значительный материал Архива Академии наук СССР, Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ), Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), Государственного исторического архива Ленинградской области (ГИАЛО) и Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР (ЦГИА ЭССР).

I

Имя проф. Д. Н. Кудрявского принадлежит к числу тех славных имен русских языковедов, чьи труды сыграли большую роль в развитии русской науки. Крупный лингвист своего времени, автор многих исследований по общему и сравнительно-историческому языкознанию, виднейший знаток древнеиндийской культуры и языка, активный участник первых

¹ См. «Русский язык в школе», 1947, № 4, стр. 65—71.

² См. «Ученые записки Лиепайского педагогического института», вып. 1, 1958, стр. 179—228.

³ В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1, М., 1938, стр. 26—27.

марксистских кружков, Д. Н. Кудрявский оставил значительный след в истории русского языкознания.

Дмитрий Николаевич Кудрявский родился 25 октября 1867 года в Петербурге. Его отец Николай Андреевич Кудрявский происходил из мещанской семьи. После окончания Удельного землемерного училища служил в департаменте уделов. В 1867 году он был уволен по сокращению штатов в чине коллежского секретаря. Мать была дочерью актера и драматурга П. А. Каратыгина. Семья жила в трудных материальных условиях. Д. Н. Кудрявский окончил в 1885 году 6-ую С.-Петербургскую гимназию и поступил на словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. В университете он больше всего увлекался изучением санскрита и сравнительной грамматики. После окончания университета в 1889 году с дипломом первой степени Д. Н. Кудрявский был по представлению И. П. Минаева оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания и санскрита. Сначала его руководителем был И. П. Минаев; а после его смерти в 1890 году — санскритолог С. Ф. Ольденбург и германист Ф. А. Браун.

В этот период (1891—1894 гг.) происходит большой перелом в мировоззрении Д. Н. Кудрявского. Если, по воспоминаниям А. А. Кудрявской,¹ в студенческие годы он увлекался нравственным учением Льва Толстого, то сейчас он усиленно изучает сочинения Карла Маркса и становится горячим сторонником его теории и методологии уже на всю жизнь. Д. Н. Кудрявский вступает в марксистский кружок студентов-технологов и ведет пропагандистскую работу среди петербургских рабочих. Острая необходимость в соответствующих популярных пособиях привела его к мысли написать для рабочих книжку по истории первобытной культуры. Эта книга под названием «Как жили люди в старину» вышла первым изданием в 1894 году. Кроме того, в эти годы Д. Н. Кудрявский перевел работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «К жилищному вопросу», написал популярные лекции в помощь пропагандистам, в которых излагались вопросы о происхождении мира, человека, история первобытной культуры, возникновение капитализма и классовой борьбы и т. д. По свидетельству В. В. Татарина, Д. Н. Кудрявский с самого начала 90-х

¹ Архив Академии наук СССР, разр. V, оп. 1—К, № 115, л. 4.

годов «принимал участие в марксистских кружках и всегда высоко ценил Владимира Ильича Ульянова, с которым он был в близких отношениях. В 1894 г. именно он — Кудрявский обратился ко мне с просьбой сделать все деревянные части к домашнему типографскому станочку, передав мне чертежи... Позднее в 1895 г., опять же по его просьбе, я сделал Ильичу прятку с секретным запором для хранения рукописей, которую он Ильичу и передал и которая в свое время сослужила службу... Дмитрий Николаевич всегда являлся пропагандистом марксистского учения среди молодежи, воюя против народников одновременно с Лениным».¹ Ближе всего он был связан с братьями Красиными, С. И. Радченко, А. Г. Кугушевой и др.

Летом 1894 года Д. Н. Кудрявский был командирован с научной целью за границу, где занимался под руководством Б. Дельбрюка ведическим санскритом и сравнительным синтаксисом. Вернувшись осенью 1895 года в Петербург, он прочел две пробные лекции на историко-филологическом факультете университета и был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента. В эти годы он читал следующие курсы: семейные отношения индоевропейцев, сравнительный синтаксис падежей, свадебные обряды индусов по грихья-сутрам (чтение и толкование памятников), синтаксис индоевропейского глагола с кратким обзором образования глагольных основ, первая книга законов Ману.

После возвращения из заграницы Д. Н. Кудрявский продолжал работу в марксистских кружках. В частности, архивные материалы свидетельствуют о его связях с руководителями петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Лениным, Г. М. Кржижановским, А. А. Ванеевым, М. К. Названовым. Кроме того, активно сотрудничая в передовых журналах того времени («Новое слово», «Начало», «Мир божий»), Д. Н. Кудрявский опубликовал в них около сорока рецензий на книги самого различного содержания: по антропологии, религии, истории, мифологии, философии и т. д. В этих рецензиях он, опираясь на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, боролся за материалистическое решение научных проблем, умело направлял запросы читателя, помогал ему в выборе нужных книг.

Научная деятельность Д. Н. Кудрявского в области языкознания в этот период была тесно связана с Лингвистическим

¹ Документ хранится у автора данной работы.

отделением Неофилологического общества, секретарем которого он был с 1896 года до отъезда в Тарту. Членами этого общества, основанного по инициативе А. А. Шахматова, были А. Л. Погодин, С. К. Булич, В. Ф. Шишмарев, а позднее И. А. Бодуэн де Куртенэ, М. Р. Фасмер, Л. В. Щерба и др. На заседаниях общества Д. Н. Кудрявский прочел пять рефератов, три из которых затем были опубликованы. Это «Суффикс *ablativi singularis* в индоевропейских языках» (ЖМНП, 1896, № 4), «Славянская конструкция отрицательного глагола и родственные явления других индоевропейских языков» (ЖМНП, 1897, № 4) и рецензия на «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. IV Band. Syntax von B. Delbrück» (ЖМНП, 1898, № 3).

15 декабря 1898 года Д. Н. Кудрявский был назначен и. о. экстраординарного профессора в Тартуском (Юрьевском) университете по кафедре немецкого и сравнительного языкознания. Его приезд в Тарту совпал с началом массового движения тартуских студентов, которое достигло высшего подъема в период революции 1905—1907 гг. В Тарту Д. Н. Кудрявский был избран почетным членом «Общества русских студентов», в котором уже к 1900 году решающее влияние окончательно перешло к марксистам. В годы Первой русской революции он принимал участие в ряде мероприятий, объективно способствовавших развитию революционного движения в Тарту. В донесениях жандармов Д. Н. Кудрявский обвинялся в сношениях с революционными студентами и их подстрекательстве. После подавления революции в связи с резко ухудшившимся состоянием здоровья он постепенно отходит от политической деятельности.

Как профессор, Д. Н. Кудрявский читал в Тартуском университете санскрит, сравнительную грамматику индоевропейских языков, греческую диалектологию, введение в языкознание, синтаксис индоевропейского глагола, историю всеобщей литературы, «Кратил» Платона с лингвистическим комментарием, законы Ману и русский язык (синтаксис). Он пользовался очень большим уважением студентов, всегда чутко и внимательно относился к их нуждам и запросам.

В Тарту Д. Н. Кудрявский написал большинство своих научных работ, в частности, «Четыре стадии в жизни древнего индуса» («Ученые записки И. Юрьевского университета», 1900, № 4), «Начальную санскритскую христоматию со словарем и кратким обзором фонетики и морфологии санскритского языка» (Юрьев, 1903), «Исследования в области

древнеиндийских домашних обрядов» (Юрьев, 1904), «Психологию и языкознание» (Юрьев, 1905), «Введение в языкознание (1-ое изд., Юрьев 1912; 2-ое изд., Юрьев, 1913) «Начальный курс санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь» (Юрьев, 1917), «Руководство к изучению древнегреческого языка» (рукопись), ряд статей по истории русского языка, рецензии на книги Д. Н. Овсянико-Куликовского, В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, А. Мейе и многое другое. Кроме того, он перевел книгу А. Мейе «Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков» и более десяти лет редактировал «Ученые записки Юрьевского университета».

Отличительные черты лингвистических работ Д. Н. Кудрявского: а) последовательно материалистическое решение общетеоретических проблем языкознания и б) упорная борьба против подмены грамматического анализа языковых фактов логикой и психологией.

Зимой 1918 года Тарту был занят немецкими войсками. Командование оккупационной армии приказало сделать университет немецким. Протест Совета университета положительных результатов не дал. По соглашению с Советским правительством персонал университета летом 1918 года покинул Тарту и направился в Воронеж. Вместе с другими уехал и Д. Н. Кудрявский. Там, в Воронеже, он и скончался 9 ноября 1920 года.

II

Взгляды Д. Н. Кудрявского на сущность и происхождение языка складывались в период господства в русском языкознании казанской и московской лингвистических школ.

Основоположник казанской школы И. А. Бодуэн де Куртенэ, борясь с натуралистическим пониманием сущности языка, пришел к психологизму. Считая, что язык человека, человеческая речь существует только в мозгу, в душе человека, и жизнь языка основывается на сочетании представлений в самых различных направлениях, он рассматривал общетеоретические вопросы языкознания с психологической точки зрения. Поэтому И. А. Бодуэн де Куртенэ определял язык как психическое или психо-социальное явление. Реальными он признавал только языки отдельных индивидов, считая общенародный язык фикцией, чистой отвлеченностью, созданной

из целого ряда реально существующих индивидуальных языков.

Глава московской школы Ф. Ф. Фортунатов подчеркивал связь истории языка и истории народа, связь языка и мышления. Но процесс мышления он рассматривал с точки зрения ассоциативной психологии. Поэтому Ф. Ф. Фортунатов отождествлял понятие с представлением и определял его как связанную по ассоциации совокупность признаков, а суждение — как ассоциацию представлений. Главная ошибка такой концепции заключается в том, что в ней все содержание мысли сводится к чувственным элементам ощущений, протекающим по ассоциативным законам (законы ассоциаций по сходству и по смежности).

Д. Н. Кудрявский в своих взглядах на сущность языка не примкнул ни к одной из этих школ. Определяя язык как средство общения и средство выражения мысли, он продолжал лучшие материалистические традиции М. В. Ломоносова и русских революционных демократов. Д. Н. Кудрявский подверг резкой критике общетеоретические взгляды В. Вундта, отрицавшего такие специфические особенности языка, как сообщение мыслей и звуковая форма. Он писал: «Вундт как будто не замечает самого главного, на что обращают внимание те, которые говорят о сообщении мыслей, как о признаке языка. Именно здесь подчеркивается *«сообщение (курсив автора. С. С.) мыслей»*, т. е. общественный характер языка. Понятно после этого, как неудачно указание на «размышление в одиночестве», облекающееся обыкновенно в форму речи даже в тех случаях, когда никто не может человека услышать. Неужели желудок перестает быть органом пищеварения, когда он голодает?»¹ Поэтому, пишет далее Д. Н. Кудрявский, «имеем ли мы право распространять понятие языка также на жесты и другие «выразительные движения»? Не будет ли такое распространение понятия граничить с простым метафорическим выражением, со смелой аналогией? И наконец, практично ли вместо установления ясного, научного понятия языка, настолько расширять его, чтобы не было никакой возможности провести границу между выразительным движением (напр., вилянием хвоста у собаки) и человеческим языком? На последний вопрос, мне кажется, не может быть другого ответа, кроме отрицатель-

¹ Д. Н. Кудрявский, Психология и языкознание, Юрьев, 1905, стр. 24—25.

ного».² Признание В. Вундтом «языка жестов», по мнению Д. Н. Кудрявского, ведет также к отрыву языка от мышления, так как «язык жестов» не имеет истории и неспособен изменяться, приспособляясь к развитию мышления. Поэтому он не может быть орудием мышления.

Следовательно, рассматривая сущность языка, Д. Н. Кудрявский, в отличие от сторонников индивидуалистического психологизма, подчеркивает прежде всего его общественный характер.

Признавая язык всеобщим орудием мысли, Д. Н. Кудрявский постоянно подчеркивал его тесную связь с мышлением. Мысль, по его мнению, только тогда приобретает ясность и определенность, когда она выражена словом. Язык помогает формировать мысль. Поэтому он играет колоссальную роль в развитии человечества. Мышление может быть выражено только в форме языка. «Если нам кажется иногда, что мы думаем без слов, то это не совсем справедливо: отсутствует в таком случае только самый звук, но наши органы речи обыкновенно проделывают при этом, только гораздо быстрее, все то, что требуется для произнесения соответствующих слов. Таким образом не подлежит сомнению, что мысль всегда сопровождается словом, всегда опирается на него».¹ Значит, язык и мышление находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Рассматривая связь языка и мышления на соотношении логических и грамматических категорий, Д. Н. Кудрявский выступает противником логического направления. Это направление, исходя из того, что нельзя представить мысль без слова и слово без мысли, пришло к отождествлению законов языка с законами логики. Д. Н. Кудрявский, считая язык формой выражения мышления, признавая связь логических и грамматических категорий, правильно подчеркивает отсутствие тождества. Для этого он сопоставляет слово и понятие, предложение и суждение. Несовпадение слова и понятия он доказывает следующими фактами. Во-первых, одно и то же слово в разные времена может обозначать разные понятия. Во-вторых, если бы понятие совпадало со словом, то каждому понятию соответствовало бы только одно слово, и в языке не могло бы быть синонимов. В-третьих, в языке

² Там же, стр. 25—26.

¹ Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, Юрьев, 1912, стр. 22.

имеются отрицательные слова, выражающие положительные понятия, и наоборот. Нетождественность суждения и предложения Д. Н. Кудрявский видел в возможности выразить одно суждение целым рядом предложений, в несовпадении числа членов суждения и числа членов предложения, а также в том, что в грамматике есть целый ряд видов предложений, у которых нет соответствующих видов суждений.

Отсутствие тождества между логическими и грамматическими категориями Д. Н. Кудрявский исторически объяснял двумя причинами. С одной стороны, часть логических категорий уже выделилась в особую систему из грамматических, а, с другой, логические категории могли быть вовлечены в строй предложения и переработаны там в грамматические. Д. Н. Кудрявский предполагает, что таким путем логические субъект и предикат превратились внутри предложения в подлежащее и сказуемое. Но возникнув таким путем, эти категории в том и другом случае начинают коренным образом отличаться от своих прототипов. Поэтому основную методологическую ошибку сторонников логического направления Д. Н. Кудрявский видел в том, что они, изучая не явления языка, а законы логики, подменили объект исследования. В действительности же изучение природы логических категорий не способствует выяснению сущности грамматических явлений. Если бы логика могла объяснить языковые факты, то такой язык мог быть только один. Отсюда вытекает одно из основных методологических требований Д. Н. Кудрявского: «Чтобы объяснить какое бы то ни было явление, мы должны его исследовать, должны в нем самом (разрядка моя. С. С.) искать указаний на причины, его вызывающие и обуславливающие».¹

Проблема происхождения языка не занимала видного места в дореволюционном русском языкознании. В XIX веке только в трудах А. А. Потебни она получила наиболее полное и оригинальное освещение. Выяснив различия между душевными процессами человека и животных, А. А. Потебня пришел к выводу, что в раннюю пору язык животных и человека состоял из рефлексии чувства в звуках. Эти рефлексии чувства в звуках, в которых человек затем нашел членораздельный звук, А. А. Потебня назвал междометиями. Впоследствии, по его мнению, они распадаются на две группы: одни

¹ Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, Юрьев, 1912, стр. 26

навсегда остаются междометиями, другие теряют междометный характер и превращаются в слова. Это превращение было обусловлено уменьшением напряженности чувства и усилением связи звука и представления. Главным недостатком концепции А. А. Потебни является то, что происхождение языка рассматривается вне тесной связи с возникновением самого человека в процессе общественно-трудовой практики. Но его высказывания о зарождении сознания вместе с языком, их взаимной связи и взаимообусловленности и другие сохраняют свое значение до сих пор.

С исторической точки зрения некоторый интерес представляют также высказывания И. А. Бодуэна де Куртенэ о происхождении языка. Ограничив происхождение языка сферой индивидуальной психики, И. А. Бодуэн де Куртенэ свел всю проблему к выработке языковых понятий у индивидуумов, возводя одну часть элементов языка к рефлексивным выкрикам, другую часть — к случайным ассоциациям между представлением и звуком.

Д. Н. Кудрявский придавал проблеме происхождения языка большое значение, считая ее одной из главных проблем общего языкознания. В своих трудах он не только пытается поставить и разрешить эту проблему, но и критически пересматривает многие предыдущие точки зрения. По его мнению, теории звукоподражания и междометий не смогли правильно ни поставить, ни разрешить вопрос о происхождении языка и в лучшем случае лишь объясняли возникновение небольшого числа слов. Их основной недостаток он видел в том, что они хотели объяснить происхождение языка путем выяснения связи между звуком и значением. С точки зрения Д. Н. Кудрявского, этой необходимой, данной от природы связи не существует, так как произвольность связи между звуком и значением является характерным признаком языка. Там, где эта связь произвольна (например, в криках животных), нет и языка. Кроме этого, отсутствие необходимой связи доказывается также существованием на земном шаре большого количества языков, которое свидетельствует о том, что одно и то же значение может быть выражено различными способами. Неприемлемы для Д. Н. Кудрявского и теории происхождения языка М. Мюллера и Г. Штейнталя, так как в них берется уже готовая организация людей и не учитывается роль труда в процессе возникновения языка.

Д. Н. Кудрявский, борясь против смещения вопроса о происхождении человеческого языка с вопросом о возникновении

конкретных языков, убедительно показывает их неравнозначность. Если вопрос ставится о происхождении конкретного языка, то нет необходимости строить ни теорию междометий, ни теорию звукоподражания. Если же речь идет о происхождении человеческого языка вообще, то имеется в виду способность человека к созданию звукового языка. Поэтому для Д. Н. Кудрявского решить проблему происхождения языка значит выявить те условия, в которых человек мог начать говорить. Эти условия он сводит к следующим моментам:

а) Так как язык есть орудие нашей мысли, то для его возникновения необходим определенный уровень развития головного мозга, особенно тех центров, которые управляют сложным процессом речи.

б) Для возникновения языка необходима известная степень развития органов речи.

в) Особенно большую роль Д. Н. Кудрявский отводит вертикальному положению человеческого тела, которое создает разделение труда между передними и задними конечностями. Передние конечности благодаря этому освобождаются от функции передвижения и берут на себя функцию защиты. Кроме того, они, приспособляясь к хватательным движениям, расширяют опыт человека, ближе знакомят его с природой, что, в свою очередь, способствует развитию головного мозга.

Дальше Д. Н. Кудрявский, сравнивая звуки животных, междометия и человеческие слова, приходит к выводу, что язык человека представляет собой высшую степень развития тех зачатков, которые мы наблюдаем у животных. Поэтому он стремится определить основные этапы перехода от звуков животных к человеческому языку. Этими основными этапами Д. Н. Кудрявский считает следующие: а) звуки являются непосредственным отражением впечатлений внешнего мира, б) звуки становятся символами воспринятых впечатлений, в) сопоставление звуковых символов и соответствующих сложных представлений ведет к обоюдному анализу и вырабатывает слово с его значением.

Решение Д. Н. Кудрявским вопроса о путях перехода звуков животных в человеческие слова в известной степени совпадает с высказываниями А. А. Потебни, особенно при сопоставлении слов и междометий. Но в целом его взгляды на происхождение языка принципиально отличаются от взглядов А. А. Потебни. Если А. А. Потебня рассматривает этот вопрос только в психологическом плане, то Д. Н. Кудрявский прежде всего подчеркивает роль социального фактора. Поэтому

в его трудах мы находим также ответ на вопрос, какие объективные условия могли породить у предков человека потребность во взаимном общении, которая привела к возникновению человеческого языка. Он исходил из того, что первобытный человек стоял на ступени животного и смог лишь тогда превзойти его, когда научился бороться с силами природы. Борьба с природой была в то же время для него школой общественной жизни. Только в этой общественной жизни мог сложиться человеческий язык, так как необходимость общения при совместной работе постоянно ощущалась людьми.

Таким образом, Д. Н. Кудрявский при решении проблемы происхождения языка рассматривает биологические предпосылки речи, условия, породившие потребность во взаимном общении людей, и исходный звуковой материал, на основе которого формировался язык. При этом он близко подошел к Ф. Энгельсу, который исходил из подобных же условий, необходимых для возникновения языка. Правда, Д. Н. Кудрявский, в отличие от Ф. Энгельса, не делает основной упор на момент труда, хотя и учитывает его.

III

При рассмотрении грамматической системы Д. Н. Кудрявского мы исходим из традиционного деления русской грамматической науки на три основных направления: логико-грамматическое, психологическое и формальное. Такое деление, несмотря на некоторый схематизм, вполне приемлемо, так как оно отражает основные линии в развитии русской грамматики.

Для логико-грамматического направления, виднейшим представителем которого был Ф. И. Буслаев, характерно смешение грамматических значений с понятиями, которые в языке формально не выражены. Это приводило к отождествлению логических и грамматических категорий (суждения и предложения, понятия и слова, субъекта и подлежащего, предиката и сказуемого) и к определению частей речи и второстепенных членов предложения преимущественно со смысловой стороны.

Основоположник формального направления Ф. Ф. Fortunатов, определяя грамматическую форму как способность слов выделять из себя формальную и основную принадлежность, отрывал форму от содержания, рассматривал их па-

раллельно, независимо друг от друга. При этом основной упор он делал на чисто морфологическом составе слова, связывая форму с наличием или отсутствием аффиксов. Тем самым ряд других способов выражения грамматической формы (например, порядок слов, ударение, интонация и др.) выпадал из сферы грамматического анализа, поскольку форма понималась на основе структуры отдельного слова, а не системы всех грамматических средств языка. Эти исходные положения привели Ф. Ф. Фортунатова к морфологизму в классификации полных слов.

Направление, основоположником которого был А. А. Потебня, обыкновенно называют психологическим. Однако в действительности он прибегал к психологизму главным образом только при решении общетеоретических вопросов языкознания. Его исследования конкретных проблем строятся на других методологических принципах. Борясь против логицизма, А. А. Потебня упорно отстаивал права языка на самостоятельное изучение, постоянно стремился объяснять языковые явления из них самих. Но, в отличие от Ф. Ф. Фортунатова, ставившего перед языкознанием эту же цель, он всегда выступал против механического рассечения слова на части, постоянно подчеркивал, что «нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке».¹ В этом состоит сущность единства вещественного и грамматического, семантического и формального в понимании А. А. Потебни.

Следовательно, в русском языкознании второй половины XIX века противостояли друг другу три направления: с одной стороны, логико-грамматическому — формальное и психологическое, а, с другой, формальное — психологическому. Эти три направления продолжали существовать и в начале XX века. Но к этому времени в них произошли значительные изменения. Противопоставление направлений стало настолько подчеркнутым, что единственно научным признавался лишь формально-грамматический анализ языковых явлений, а логическое направление ограничивалось рамками школьной грамматики.

В истории русской грамматической мысли Д. Н. Кудрявский выступает как последователь идей А. А. Потебни. Наибольшее влияние взглядов А. А. Потебни сказалось в его

¹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, М., 1958, т. 1—11, стр. 45.

учении о грамматической форме, частях речи, предложениях и его членах.

Д. Н. Кудрявский, вслед за А. А. Потебней, считал, что основным объектом научной грамматики является живая речь. Отсюда он делал два вывода. Во-первых, так как основной единицей речи является предложение, то синтаксис занимает ведущее положение по отношению к морфологии. Во вторых, нельзя проводить различия между отдельными словами и словами в речи, так как можно говорить об отдельных словах, но нельзя забывать, что их формы обязаны своим происхождением той речи, откуда они взяты. Поэтому для Д. Н. Кудрявского, как и А. А. Потебни, отдельное слово есть «искусственный препарат». Эти положения предопределили и синтаксическое понимание грамматической формы. Но, в отличие от А. А. Потебни, Д. Н. Кудрявский избежал субъективно-идеалистического взгляда на слово и грамматическую форму как индивидуально-неповторимый акт духовного творчества.

Исходя из такого понимания слова и грамматической формы, Д. Н. Кудрявский определял части речи «как более общие грамматические категории, выходящие за пределы одного предложения и составляющие материал, из которого слагается предложение».¹ Поскольку предложение является основной формой существования языка, то части речи создаются также в предложении, но получают самостоятельное значение и могут выполнять различные синтаксические функции. К частям речи Д. Н. Кудрявский относил имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие и союз.

Школьные определения частей речи, основанные на семантическом принципе, Д. Н. Кудрявский считал неудовлетворительными, так как они не дают возможности отличать одну часть речи от другой. По его мнению, основное различие между этими грамматическими категориями состоит не в том, что они обозначают, а в том, как обозначают. «Разница сводится к тому, что существительное называет что бы то ни было независимо от всякого отношения к чему бы то ни было другому (камень, дерево, белизна, движение); прилагательное тоже называет что бы то ни было, но с указанием на то, что это представление должно мыслиться в чем-либо другом (каменный, деревянный, белый, подвижный); наконец, глагол

¹ Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, Юрьев, 1912, стр. 101.

изображает, описывает в различных моментах существование того же самого представления (каменеет, деревенеет, белеет, двигает)».² В отличие от традиционной системы частей речи здесь не хватает числительных и местоимений. По мнению Д. Н. Кудрявского, числительные и местоимения выделяются в особые категории на основании их значения. Но в действительности значение местоимений (указательность) и числительных (обозначение числа) не являются их характерной особенностью и в определенной степени, хотя и меньше, свойственны также и другим словам. По форме же они, как правило, совпадают с другими частями речи.

Следовательно, при определении частей речи Д. Н. Кудрявский исходил преимущественно из их лексико-грамматических особенностей. В этом отношении он полностью следовал за А. А. Потемней, только А. А. Потемня склонен был выделять в особые группы также причастия и инфинитив. Д. Н. Кудрявский лишь в последние годы высказывал мысль, что инфинитив следовало бы признать самостоятельной частью речи и членом предложения. Но в целом он считал этот вопрос еще недостаточно изученным.

Перейдя к анализу членов предложения, Д. Н. Кудрявский, как и А. А. Потемня, с необходимостью пришел к выводу о их соотносительности с частями речи. Этому способствовало несколько причин: во-первых, само понимание сущности слова и грамматической формы, во-вторых, стремление связать основные грамматические понятия, особенно понятия слова, части речи, члена предложения и предложения, в-третьих, стремление дать единый принцип классификации, основанный на грамматическом значении слов. Отсюда определения членов предложения принимают следующий вид: подлежащее есть именительный падеж существительного, сказуемое — глагол в личной форме или сочетание именительного падежа имени со связкой, дополнение — существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога, определение есть прилагательное, обстоятельство — наречие. Но некоторые элементы предложения не функционируют как самостоятельные слова, так как имеют лишь грамматическое значение (союзы). Поэтому, говорит Д. Н. Кудрявский, их следовало бы рассматривать только как члены предложения. Но придерживаясь того принципа, что каждому члену предложения должна соответствовать определенная часть речи, он

² Там же, стр. 102.

включает союзы и в состав частей речи, тем более, что их форма и значение одинаковы в морфологии и синтаксисе.

В целом Д. Н. Кудрявский, возражая против логической и психологической трактовки языковых явлений, поставил важный вопрос об изучении грамматических категорий на основе их грамматической формы и грамматического значения. Но его система частей речи и членов предложения также не лишена внутренних противоречий. Во-первых, параллелизм этих грамматических категорий проведен явно непоследовательно, так как составное сказуемое устанавливается уже на основе смыслового целого, а не подводится каждая часть под особые рубрики. Во-вторых, вряд ли возможно построить грамматическую систему на чисто грамматической основе, так как границы грамматики и лексикологии весьма неустойчивы. Эта неустойчивость создается прежде всего тем, что грамматические формы могут образоваться не только средствами грамматики, но и средствами словаря. И, в-третьих, все многообразие языковых фактов никак не укладывается в классификационные схемы, предложенные Д. Н. Кудрявским.

Учение о предложении в русском языкознании до создания синтаксической системы А. А. Потебни строилось на логической основе. Поэтому типичным было определение предложения как суждения, выраженного словами. А. А. Потебня, стремясь дать грамматическое определение предложения, выделил в нем два признака: предикативность (глагольность) и то, что в него входят части речи. Поскольку в языке нет ни одной неизменчивой категории, то А. А. Потебня сделал вывод, что невозможно дать общее определение предложения, пригодное для всех языков и всех периодов развития языка.

Д. Н. Кудрявский, выступая против логического и психологического определений и считая формальную сторону самой существенной в предложении, примкнул к выводам А. А. Потебни. Однако он находил в предложении только один существенный признак — то, что в него входят части речи, и резко возражал против господствовавшего в языкознании учения о глагольности как основе предложения. В этом отношении он был предшественником А. А. Шахматова, который полностью отказался от глагольности как основного признака предложения.

Основное противоречие во взглядах А. А. Потебни и Д. Н. Кудрявского на предложение было вскрыто уже А. А. Шахматовым. Указывая на то, что Д. Н. Кудрявский в

работе «Психология и языкознание» пришел к заключению о невозможности общего определения предложения, он писал, что такой вывод можно сделать ко всем общим определениям, но с этим никак нельзя согласиться.

В учении о сложноподчиненном предложении до конца XIX века господствовала логико-семантическая точка зрения. Но к началу XX века традиционная система сложноподчиненных предложений, основанная на анализе придаточных, все более перестает удовлетворять исследователей. Языковеды не отказываясь от анализа придаточных предложений в отрыве от синтаксического целого, стремятся найти прежде всего грамматические особенности сложноподчиненных предложений. Одним из первых эту попытку сделал Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Он выделил такие особенности сложноподчиненных предложений, как отсутствие разделительной паузы и различную степень подчиненности.

Линию поисков грамматического подхода к сложноподчиненным предложениям продолжил и Д. Н. Кудрявский. С этой точки зрения он подверг критике теорию слитных и сокращенных предложений, которая продолжала существовать в школьной грамматике как наследие логико-грамматического направления. Анализируя классификацию придаточных предложений, Д. Н. Кудрявский считает их деление на придаточные подлежащие, сказуемые, определительные, дополнительные и обстоятельственные неудовлетворительным, так как оно основано только на значении, на том, что каждый член предложения может быть выражен целым придаточным предложением, и совершенно не учитывает их грамматические особенности. Сам он пришел к признанию необходимости встать на формальную точку зрения и основное внимание при изучении сложноподчиненных предложений сосредоточить на союзах и относительных местоимениях. По этому пути позднее пошел А. М. Пешковский, заменивший классификацию придаточных предложений анализом синтаксических средств связи придаточного предложения с главным.

В целом грамматическая система Д. Н. Кудрявского отражает определенный этап в истории русской грамматической мысли и представляет собой дальнейшее развитие идей А. А. Потебни. И ее следует рассматривать не как разрешение всех спорных вопросов русской грамматики, а как указание на те трудности, без преодоления которых не может быть правильного решения.

На материале диссертации опубликованы следующие работы:

1. Проблема сущности и происхождения языка в трудах Д. Н. Кудрявского. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 77, Труды по языкознанию, 1959.

2. Грамматическая система Д. Н. Кудрявского. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 78, Труды по русской и славянской филологии, т. 2, 1959.

3. Проф. Д. Н. Кудрявский и вопросы славянского языкознания. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 65, Труды по русской и славянской филологии, т. 1, 1958.

4. Неопубликованная рецензия Д. Н. Кудрявского. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 78, Труды по русской и славянской филологии, т. 2, 1959.

5. И. А. Бодуэн де Куртенэ в Тарту. Кээль я кирьяндус, 1958, № 12.

Бесплатно